

Н. Васильева

Д
В
Е
Р
Ь

Надежда Васильева

Дверь

«Издательские решения»

Васильева Н. А.

Дверь / Н. А. Васильева — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-905518-7

Эта книга — дверь в путешествие по ярким, звучным и удивительно красивым местам, где привычные понятия и знакомые предметы перевоплощаются в неожиданные образы. В сборник стихов вошли произведения, пропитанные солнцем, теплом и наполненные трогательными эмоциями. Рифмы в них точны, мысли лаконичны, образы выразительны, тексты искренни и лиричны. Всё вместе это создает изумительные поэтические мелодии, полные светлого ощущения происходящего.

ISBN 978-5-44-905518-7

© Васильева Н. А.
© Издательские решения

Содержание

Взяв у ветра из рук паруса	6
Предвосхищая	7
Партитура для соло	8
Пожалуйста, солнце	9
По швам	10
Удержи меня	11
Песней в облака	12
С берега	13
Где море меняет лица	14
Везувий осеннего солнца	15
Озвученное	16
Пульс осени	17
На старых стульях	18
А ветер такой...	19
В лете	20
Лодки	21
Я неадекватен, значит я существую	22
Зимний Питер	23
И остановилось время	24
Ноты дождепада	25
Закат над долиной	26
На сон	27
Легко	28
Со вкусом марципана	29
Рождение солнца в утреннем смоге	30
Эффект присутствия	31
Хит летнего вечера	32
Это дни что ни музыка...	33
Rapnoid A	34
Дискретное время	35
Звёзды спелые	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Дверь

Надежда Александровна Васильева

Иллюстратор Надежда Александровна Васильева

Дизайнер обложки Екатерина Александровна Парышева

Фотограф Ratnadip Thakur

© Надежда Александровна Васильева, 2018

© Надежда Александровна Васильева, иллюстрации, 2018

© Екатерина Александровна Парышева, дизайн обложки, 2018

© Ratnadip Thakur, фотографии, 2018

ISBN 978-5-4490-5518-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Есть сумасшедшие, что оживляют камень
Или во мраке умеют увидеть пламя сердец.
Стоит начать притворяться, что ты нормален,
Сразу по центру экрана отчётливо буквы: «Конец».

Удивительной звезде – маме
Катюшам
Вове
Папе
Притху

Взяв у ветра из рук паруса

Взяв у ветра из рук паруса и воздушные змеи,
Порулить облаками над морем, и ноги свесив
Над обрывом в букетах закатов-рассветов реять,
Распевать горловинами труб водосточных песни,

И развернуться перед обрывом, сорвав дыханье,
Не бояться разбиться о землю легчайшей пылью,
Вдоль по радуги граням – закон неземных механик —
Научиться опять языком мирозданья мыслить,

Солнцу честь отдавать, распахнуть до созвездий голос.
Сердца яркий цветок легок будто бы крылья птицы.
Приподнять на краю у последней вселенной полог
И назад к человеческим радостям возвратиться.

Предвосхищая

Ничего здесь не нужно знать раньше, чем произойдёт.
Мне исполнится тысяча лет на ближайшем рассвете.
Я, услышав беззвучность, умею умчаться в полёт
И под утро вернуться успеть, пока тихо спят дети.

Испытание – это повтор и размеренный рай.
Пусть живу среди героев – добраться б до мудрости древних.
Дождь настойчиво лупит в подкожных моих проводах,
Я же сохну бельём на веревочке между деревьев.

Партитура для соло

Или стать фейерверком и гаснуть в полете в небе
Или дымом уйти незаметно, как будто не был?
Можно реять во сне, но как резво ты ни летел бы,
Курс полета ложится на карту сознания дебрей.

Иль шуршать иллюстрированными страницами будней,
В телескоп обреченно смотреть мимо звезд и света,
Успокоив себя тем, что все там когда-то будем,
И что всё ненадолго, и что не всерьез всё это.

Собирая мгновенья, когда терпкой радости равен,
Не вникая, восходит звезда-добродетель откуда,
Ты узнать, для чего пыль топтать был сюда направлен,
Можешь, раз попытавшись создать для кого-то чудо.

Составляй партитуры для соло – себя-оркестра,
Среди воплей Вселенной расслышав один лишь голос.
Но когда дирижер взмахом коде назначит место,
Раздробится на паузы сглаженный лигами образ.

Так, быть может, рвать связки и плавить пальцами струны?
Не щадя сердце, кланяться западу и востоку?
Головой пробивать – низковат потолок подлунный —
Не зависеть от чьих-то восторгов – внутри восторг тот?

Остается до одури жечь, танцевать на углях,
И смеяться от боли, над грубостью и дураками,
Засветить изнутри маяк, прямо встать, раз согнули,
И потратиться, чтобы однажды вдруг ожил камень.

Пожалуйста, солнце

В парке торговцы дуют в глиняные свистули,
Всех обмотало солнце своим абрикосовым шарфом,
Нас угостив ликёром света с ноткой пачули,
Рёбра ограды палкой – чугуном зазвучал как арфа.

Птицы кричат: свистулькам в тональностях не угнаться.
Взглядом лукавым свежим парк обнимает пара:
Семьдесят им, целуют друг друга как будто в двадцать,
Радость щедра и крылата для молодых и старых.

Солнце мешает море лучами, как кашу ложкой,
Брызги глядят, сияя, брызги летят как стразы,
Хором запели волны песнь о солёном прошлом,
В пальцах прибоя пена, покуда хватает глаза.

На побережьях разных того же самого моря
Слушаем чаек, камни прыгать пускаем в волны.
Там с минаретов эхо – частью твоих историй,
Здесь достают до неба готические соборы.

Я перестану песню, слушай меня без звуков.
Ты интуит, умеешь чувствовать океаны.
Буду молчать о нежном чувстве к доброму другу.
Только внутри – ты слышишь? – в ритме стучат там-тамы.

По швам

А мысли как будто рвутся по швам,
И мне коротки уже их рукава.
Я перестаю доверять словам,
Что раньше проглатывал на раз-два.

Блестит чешуей безыдейно мир,
Меня тянет в рот, как кусок пирога —
Строптивая прыть, я тебя уморил,
Смирил и утратил. И не дорога

Ни страсть, и ни воля. Ни дать, ни взять.
Несу свою вахту, хоть нет корабля.
Здесь прочно закончилось что-то опять
Затем, чтобы снова начаться с нуля.

Удержи меня

Удержи меня, Господи, вдалеке
От без мыслей высушивающей болтовни.
Столько замков разрушилось на песке,
Что мой, Боже, не в тягость Себе прими.

Пусть рассыплется, только бы – на свету:
В колыбели Твоей добра и тиха —
Я за счастьем вослед, сея суету,
В океанах историй нашла дно греха.

Не позволяй истираться за слоем слой,
Из пустого в порожнее лить хмеля,
Обратиться в ненужность, в карман с дырой
И иссякнуть, как вытоптанная колея.

И да не растерять мне с Тобой в пути
Искрометной искренности лепестки,
Не чураться правды, в ее горсти
Греться, литься в русле ее реки.

Сколь уродливой, лишней, недорогой
Ни казалась нам правда – глупцам слепым —
Не страшиться б, смотреть в ее рот кривой
И насмешками выщербленные углы.

Песней в облака

Из тетради облетает прошлогодняя листва.
Вереницы мыслей, сбывшихся, на строчках ждут зимы.
А минуты постепенно превращаются в слова —
Осторожно из обглоданных кусочков тишины.

И раскрашенная хрупкостью мгновений акварель
Наших дней, теперь совсем уже немислимых поврозь,
Застилает нежно маревом минорных звуков трель,
И печаль порой стучится в двери, словно редкий гость.

Я молчу в тебе. Тепло в груди. А ветер над землёй
Накрывает одеялом сна уставшие сердца.
Яркой искренностью выстрелю в себя, чтобы петлей
Самолёта – в облака, и песней – разомкнуть уста.

С берега

Нам с берега видно: вдали проплывают дельфины.
Сидим с одиночеством вместе мы на полотенце.
А воздух густой как сироп, и морозит my feelings.
Черчу на песке крест и ноль, и никак не согреться.

Мысль как хоботком насекомого пьёт сердца сон мой:
Я знаю о том, что вина тебе невыносима.
Смотреть в глаза вечности страшно: сквозь них через чёрный
Ход – как в дырку времени – раны.
...Бог, дай ему силы!...

Ведь даже не каждый твой шаг, а и мысли о шаге
Записаны до мелочей и деталей там где-то.
Однажды коснувшийся зла, и ты тёмным стал магом.
Но дом свой терять, все ж цена не чрезмерна ль за это?

Осталось уроки учить и молиться усердней.
Послушай, тебе всё по силам, покуда живой ты.
Да ты не тяни мир как шапочку для бассейна —
Вселенная любит нас искренне каждую нотой!

Тебя и всю ненависть плавать направлю подальше
Отсюда, с моим ядом воспоминаний в придачу.
Водой океана выравниваю настоящесть.
Сижу на песке, наблюдаю дельфинов и плачу.

Где море меняет лица

Как будто луну качают
Зеленые лапы кедров.
Готово сердце отчалить
Из гавани вдаль по ветру.

На твердой земле не спится,
И песен не льется в небо,
Где море меняет лица,
Туда взором литься мне бы.

Как призрак полупрозрачный
По суше брожу уныло,
И грежу, как ветры в мачтах
Пружинят могучей силой.

А воля б моя, то в волны
Ушла бы в вояж бесстрашно,
И глади вверяла черной
День завтрашний, сон вчерашний.

Везувий осеннего солнца

Да, знаешь ли, дышится так легко,
Раз именно ты на своих ладонях
Зажег и не отпускаешь огонь
Осеннего света. Деревьев кроны —

Что гибкими водорослями в глубине,
Зеленое небо в лоскут изрезав.
По осени вспомнила, что ты вовне
Меня, моих звуков и слов. И бездна

Мне не отвечает, хоть громко кричу
И хрипну от крика. Ногами листву я
Листаю. И радуюсь солнца лучу
Последнему жаркому, словно Везувий.

Озвученное

Солнце меж пальцев ложится на чуткие клавиши,
И через миг расплетаются зыбкие тени.
Кадры мгновений вдруг замельтешат, и расплавишься
В первых выстреливающих нотах вступления.

Звуками сквозь тебя – как морем в ухо ракушково —
Мир распластается, будто по нотному стану:
Звёздная ночь скрипок вылепит колкое кружево,
В городе утро споёт многострунным органом.

Если есть магия – это рождение звучания
Из тишины, раздробившись по бликам заката,
Чуть прикоснёшься – короткое замыкание!
Кожу как будто защемит затакт пиццикато.

Нет русла мыслям иного, чем вылиться музыкой,
Вместо ответов понятных – сто тысяч догадок.
Веером трелей звенит и к вершине на «до» – зыбко:
До – невозможного! До – унисона! До – урагана!

Пульс осени

Время года – приблизиться к главным своим вопросам
И лететь паутинкой по ветру, ловя сюжеты.
Пульсом пуантилизма разбрызгивается в меня осень,
Красок полифония вздымается сочным эхом!

Я цветок или дерево – мне простота красива.
Ни на лишнее, ни на случайное не растерять бы силы.
Облака в голове легки? Нет, порой они невыносимы.
Так и осени танец, и в нем мне – drinking & singing...

На старых стульях

Да ты заходи, бери стул и садись напротив,
Прости, что не новый, обивка везде повитерлась,
И мягкости нет, проступают у стульев кости,
Ведь сколько событий и войн они здесь увидели!

Захочешь ли чая, вина или может виски?
В камин дров побольше, и будем сидеть до заутрени.
Давно мне хотелось тебе столько много высказать,
Поэтому ты потерпи мою речь немудрую.

О том, как с ума я сошла от твоих ужимок,
(История эта совсем не оригинальная),
Как камнем, бумагой и ножницами служила,
А ты вырезал без конца из меня оригами.

А сколько с тобой мы дверей открывали вместе,
Из тайных ларцов и шкафов погромев скелетами.
И память-маяк: то погаснет, то вновь засветит
Красивыми песнями, нами с тобой пропетыми.

Сидеть так, глядеть на огонь, долго слушать ветер,
Тебя ни лечить не хочу, ни смущать, ни подкалывать.
На стульях старинных дождёмся разлива рассвета
И порознь выйдем. Ничто не изменится, стало быть.

А ветер такой...

А ветер такой, что и чайк сносит,
И плавать здесь кажется самоубийством.
Но в этих волнах я, что выше роста,
В сиреневых тучах на молниях висну.

И пусть шторм громаден и неизбежен,
Он восьмью восемь раз меньше по силе
Того взрыва, что уничтожил надежду
Найти берег там, куда вместе мы плыли.

В лете

Если солнце к зениту, то море творит облака,
Грея пены кусочки в печи микроволновой.
Словно зерна они разбухают сперва до хлопка,
После лопнут, закучеряются по небосклону.

Мы, расплавившись, липнем телами к прохладной тени,
Протянувшись в развесистость лиственницы длинноного.
Горизонт пьем глазами – сюда нас прибило одних,
Тех, кто ищет друг в друге продление своей дороги.

Чтобы сбить этот пряный сорокаградусный жар,
По песку прыгать, словно по обжигающей сковородке
В волны – солью глаза море лижет, вода свежа;
Мы как дети с тобой, те, что мир осязают робко.

Отражается небо, нырнув в лужи чайных ложек,
Мы в горстях друг у друга, за пазухой и в кармашках.
В свете глаз удивленных твоих, на мои так похожих,
Я увидела ангелов. После такого
и умереть – не страшно.

Лодки

Здесь учусь я разгадывать будущее по рисункам
Древесины на старых лодках, одна на причале стоя.
Пришвартованы к берегу, а камни гальки похрумкивают
Друг об друга, пока переворачиваются в прибое.

Гладкость набережной с небрежностью отредактирована
Облетевшими иглами лиственниц после ночного шторма.
Изо дня в день прогуливаясь, наблюдаю картину
Небоморя. Оно то насыщенно яростно, то полутонно.

Каждый день рыбаки курят и зубоскалят на пристани.
На воде солнца блёстки близки им, как будто родная кожа.
А когда вдруг один засмотрелся вдаль моря пристально,
Остальные подшучивают: «А, ты все ждёшь её безнадёжно!»

Где там – ждешь... Отождался: «Волна что-то да принесёт нам...», —
На их шутки он не обижается, столько лет он уже часть их,
Равномерно вдыхая в просторе до горизонта —
Запах водорослей и ракушек. И как происходит часто —

Вслух одно говорит, оставляя все мысли себе на вечер —
Будет ужинать и плыть по памяти, длинным ее отрогам,
Где соленые дни, только сердцу стучалось там легче.
Настоящего нет. На бортах его лодки будущего – немного.

Я неадекватен, значит я существую

Квадрат адекватности равен
Двойному квадрату скуки.
Задача песочных гранул
Ссыпаться – минуты, сутки
В известном заранее ритме
По однообразным трекам,
И будни узорами выткать
Все строго – в полоску, в клетку.

Безумцам салют! Бесполезно
Таким адекватность двигать.
Они ненормальные: вместо
Обеда глотают книги.

Им – пригоршней пить опасность,
И не поминая в суете,
А солнечной сочной краской
Здесь кто-то опять рисует
Шедевры в раме оконной.
А кто-то дышит по нотам.
Раз кто-то открыл законы,
То их нарушает кто-то.

Из плотной небесной ваты
Весь вылепленный как будто,
Он тоже слыл неадекватным,
Как царь Соломон, как Будда...

Зимний Питер

В фонарном свете снег крошится, словно пенопласт.
А Стинг поёт про инопланетянина в Нью-Йорке.
И свои мысли подметая в сотый, может, раз,
Скольжу по тротуару, по его ледовой корке.

Здесь ночи белые – от снега и от фонарей.
В бессоннице раскачивается замёрзший город:
Дышать спешить им, согреться, жить скорей,
Чтоб в воздухе особенном жгло новой песней горло.

И остановилось время

...и остановилось время,
Чтоб успеть позвонить мне себе самой
Туда, где когда-то грели грезы во время грозы,
Где цунами улыбок сносило с ног, и я шурилась свету звёзд:
«Ты ведь умная, объясни, почему же опять домой
Пробираешься тропами, что едва ли видны?
Почему же на поплавок ты глядишь из речной глубины?
И кто будет поводырем, раз ушёл твой пёс?»
Но никто-никто ничего в ответ мне не произнёс...

Ноты дождепада

Бит дождя по покатой железной крыше
Равномерен. Прозрачные капли с веток
В темноте. Освещенные склоны выше —
Серпантином трасса танцует с ветром.

Выдох паром рассеивается сквозь холод,
Распружинивает свернутая досада.
Каждой каплей ритмичной воздух распорот —
Говорит со мной нотами дождепада.

Закат над долиной

Ветви голых деревьев царапают край у растущей луны.
С крыши четверо кровельщиков дружно смотрят на запад,
А в долине густые цвета облаков розовато-нежны:
Солнце медленно сдастся. В дымах растворяется запах

Прошлогодного снега, несбывшихся снов и безликих надежд.
И стучит внутри в такт тем на крыше, что бьют молотками.
Я застыла – размазана кистью закатности крыльев меж —
Провожая вершины и в склонах заучиваю каждый камень.

На сон

Ну, давай уже, засыпай, прекращай наконец мечтать
И надеяться, что непредвиденность произойдёт.
Ночь ореховой скорлупой упакует мою кровать,
Отодвинув подальше безумных идей налёт.

Где там – даже во снах он обходит меня стороной!
Был ли пыл или не был – о том он давно забыл.
Космонавт – у него на Луну, кажется, проездной,
Или словно Икар, примеряет он пару крыл.

А привет от него, не успев долететь до меня, почил.
Воскресить я пыталась, да тщетно: лечи, не лечи...
И простившись, я то, что осталось, спалила в ночи.
А ты, сердце моё, по нему не стучи, молчи.
Засыпай и молчи.

Легко

Ты пойми, я совсем не хочу ничего усложнять,
Я хочу, чтобы было легко, будто ласковые лепестки.
Мы как брат и сестра. Нас разъяли, чтоб после соединять
Было что в русле жгучей, тягучей пространства реки.

Яркость утра и пряность заката – захочешь, найдём
По дороге, закутавшись в облачную невесомость.
Не близки мы и не далеки. Просто вместе поем,
Чтобы сбыться во снах друг у друга. Не трону. I promise.

Со вкусом марципана

Твоя любовь – кусочки марципана.
Миндальный запах липнет мне к ладоням.
А фото телефоном мы черпаем,
Прищурившись с улыбкой в летнем зное.

На площади в испанском городишке
В зените солнц единственная церковь,
И на стене – перформанса афиша,
А за углом для сцены строят верфи.

Здесь в ночь театр воздвигнут. Недосуг нам
До ночи ждать. Мы сами цирк, раз вместе.
В миндалинах от восхищения сухо,
Адреналин, как на скале отвесной.

Под деревом в тени кафе разъято
На улицу (в сиесту пусто) настезь.
Холодный лимонад из лайма с мятой.
И белой плитки цинк цветком украшен.

Цветная сладость – в ней мой мир крошится
Мозаикой, и наполняюсь ядом:
Я помню – ты не вечно будешь длиться,
Ловлю оттенки воздуха и взгляда.

В закат салют звонка велосипеда
Летит, размазав небо облаками.
Я больше не приеду, чтоб отведать
Миндальный вкус твой – цианистый калий.

Рождение солнца в утреннем смоге

Вдруг солнца кусок – лакового, рассветного
На ходу меж высоток и колоколен
Отразится в реке бледно-снежной ветренной
На засможенном городе цвета моли.

Розовится, отблескивая длинными стенами.
Рассекречу, что мне улетать пока рано:
Я взошедшее солнце сполна отведаю
И запью это звуками песен рваных.
С весенним ветром

Время из памяти режет узоры мозаик,
Воспоминания с блюда событий лакают...

В кафе за соседним столом полунаклон головы,
И солнечный луч сквозь листву освещает профиль.
Случайно увидев, я вздрогнула, – нет же, не может быть!
Макаю свой взгляд в подоспевшую чашку кофе.

Нет, это не он, просто дивно похож. Отчего-то смешно,
Что хор моих мыслей кому-то поет без ответа.
Мерещатся зыбко приметы. В приветях его – одно:
Посылки подальше в обнимку с весенним ветром.

Цветущая вишня, растрепанная, как календарь отрывной,
Меж стульев и столиков разметена лепестками.
Пожалуйста, официант, принесите воды стакан мне.
Нет... лучше меня окуните в нее с головой!

Эффект присутствия

А тебя я застегиваю на все пуговицы —
Чтоб сидел у меня ты внутри, не показывался.
И с чужим я лицом выхожу на улицу,
Потому что лица своего у меня не осталось.

А навстречу идут равнодушные, чужелице,
Ярко выраженные они, суетятся, сутулятся,
Ты один не пройдешься со мной по столице —
Спрятан ты, и не ярким цветком в петлице,
А внутри, застёгнутый на все пуговицы.

Хит летнего вечера

Облака словно рёбра, сквозь них по закату бежевому
Маракасами стрекот кузнечиков шелестит —
Этот звук невзначай процарапает раны свежие,
И вдруг вдарит литаврами летнего вечера хит:

«Там-та-дам» – бас пульсирует гулко между колосьями,
В середине груди – как из ямы оркестровой – слышен бой.
И раздвинуты воплями – птичьими ста-голосьями —
На недостижимость, в которой с одним я, а ты – с другой.

Это дни что ни музыка...

Это дни – что ни музыка, то звучит, как Плацебо.
Даже если ритмично, то всё равно слишком печально.
Без особой причины вдруг делается невыносимым
Всё вокруг, и мечтаешь, чтоб разом все замолчали.

Поменять что-то в буднях (по мелочи или махом) —
В эхе звездной тоски надувается страх мой флюсом:
Что не вырулю в том, с чем меня сюда кто-то бахнул,
Что-то ждёт от меня, а сама возьму и сольюсь я?

И на этот вопрос – самый трепетный, важный самый —
Не ответ, а бессмысленный лепет – не сделал столько!
И висками стучит в напряжении, как экзамен —
Тема выбора ноющим голосом Брайана Молко.

Paranoid A

Двойников твоих сотни повсюду и тысячи клонов —
Остаюсь я один на один с тишиной в каждой мышце.
В ощущении – струны натянуты в воздухе плотном,
А весна свои гимны играет: то форте, то тише.

Улыбаюсь твоим отголоскам в диковинных лицах,
Звук как жалом впивается в уши щипком пиццикато.
Paranoid android или марсианин? Я – рыцарь,
Что закрыл себя наглухо в непроницаемых латах.

Дискретное время

Скажи себе правду: стоял этот город веками и будет,
И будут спешить чьи-то дочери или сыны.
Ты всё это знаешь, так не удивляйся до жути,
Когда вдруг сбываются страшные вещие сны.

Ответь, что за дело до тех, кто едва ли узнает,
Когда для тебя не наступит еще один день?
И что со скафандром однажды поношенным станет:
Сожжен или мерзнет среди одинаковых стен.

Что знаешь о том неоплаченном, что стоит плача?
Важнее кого пожалеть в этом длинном пути?
Дискретное время влачится, пружинит иль скачет —
Оно существует, пока мы в нем можем идти.

А мир под ногами – всмотрись, подбери его, вытри!
Носились с рецептами счастья – как радостней ждать
В срок поезда. И по экрану бегущие титры,
О тех, кто о правде когда-то успел рассказать.

Звёзды спелые

Звезды спелые. С них соскребая пыльцу,
Пальцы вымыть макаю в соленые волны,
И планктон засверкает – мне искры к лицу,
Я гребу: от прибрежного пирса – на волю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.